

Мы рассматривали „Философію хозяйства“, какъ философію трансцендентнаго и оттъвили моментъ смѣшенія трансцендентнаго и имманентнаго. Какъ форма имманентной философіи, она сочится жизнью, она—философія живого не по названію и видимости. Въ ней—голосъ жизни, въ ней лучки самыхъ насущныхъ проблемъ. Помимо глубины и юношескаго паэса, „Философія хозяйства“ отличается отъ любой философіи жизни—хозяйственнымъ тономъ, трактованіемъ вопросовъ съ соціологической точки зрѣнія. Это не угловатый и непосредственно-грубый экономическій матеріализмъ и не мягкое, облагороженное настроеніе о родствѣ всего. Въ „Философіи хозяйства“—претвореніе отвлеченнаго начала, какъ элемента въ метафизическомъ цѣломъ, въ міровомъ тѣлѣ: экономическій матеріализмъ преодолевается, одухотворяясь въ религіозномъ матеріализмѣ.

Религіозное жизнепониманіе не разряжается въ тихихъ блестяхъ настроеній одинокой личности. Оно не разбивается о мертвую природу. Личность неодиока. Природа—живою другъ. Жизнь—не тѣнь мысли, а міровое содружество, міровое хозяйство.

И переживъ это родство, ощутивъ эту міровую ласку—отшатнешься отъ „трансцендентально-логическихъ силетевій“, какъ мертвяшихъ, отъ одинокаго гносеологическаго субъекта, какъ вѣчнаго покойника.

Такое бодрящее настроеніе пробуждаютъ многія страницы „Философіи хозяйства“, какъ своеобразно-глубокой думы о мірѣ и человѣкѣ.

С. Голованенко.

III.

Нѣсколько словъ о „философствованияхъ“ проф. Мечникова.

„Сорокъ лѣтъ исканія рациональнаго міровоззрѣнія“, по-видимому, нисколько не утомили почтеннаго профессора Мечникова, который недавно опять выступилъ въ широкой публикѣ съ своими философствованиями о смерти. На сей разъ это выступленіе не сопровождалось уже оговорами, подобными тѣмъ, какія дѣлались имъ во „вступленіи“ къ книгѣ „Сорокъ лѣтъ исканія рациональнаго міровоззрѣнія“

Если тамъ онъ писалъ „не безъ колебаній я исполняю желаніе моего многоуважаемаго издателя и друга Г. К. Рахманова, предложившаго мнѣ собрать мои популярныя статьи... и издать ихъ въ видѣ отдѣльнаго тома“¹⁾, то здѣсь почтенный профессоръ, уже не ссылаясь на желаніе какого-либо „компетентнаго“ лица, выступаетъ въ фельетонѣ одной широко распространенной газеты („Русское Слово“, № 164) съ критикой воззрѣній Метерлинка на смерть. Профессоръ Мечниковъ начинаетъ этотъ фельетонъ съ изобличенія Метерлинка, какъ „автора, прославившагося своимъ мистицизмомъ и отвагой, съ какой онъ рѣшается говорить о самыхъ таинственныхъ вещахъ“²⁾. Будучи далекими отъ того, чтобы защищать пантеистическія воззрѣнія Метерлинка на смерть, мы однако думаемъ, что та „отвага“, въ которой профессоръ Мечниковъ упрекаетъ Метерлинка, едва ли не проявляется въ большей степени въ разсужденіяхъ самого автора фельетона.

1.

„Убѣжденіе, говорить профессоръ Мечниковъ, что чувство жизни исчерпывается въ глубокой старости, когда умолкаетъ страхъ смерти, и прекращается потребность въ дальнѣйшемъ, чуть не безконечномъ существованіи, составляетъ по моему, гораздо болѣе дѣйствительное утѣшеніе, чѣмъ перспектива сліянія безсознательной души съ неизвѣстнымъ міровымъ цѣлымъ“³⁾.

Нашъ искатель „раціональнаго міровоззрѣнія“ такъ увѣренъ въ томъ, что вопросъ о безсмертіи человѣческой души должно считать рѣшеннымъ окончательно въ отрицательномъ смыслѣ, что онъ находитъ возможнымъ только искать утѣшеніе въ этомъ печальномъ для человѣчества фактѣ.

„Ясно что послѣ смерти мы не будемъ сознать себя“⁴⁾ говоритъ Мечниковъ, излагая воззрѣнія Метерлинка и вполне соглашаясь съ нимъ въ этомъ.

1) Сорокъ лѣтъ иск. рац. мір. Стр. 1.

2) Русское Слово, 1913, № 164. Фельетонъ. Книга Метерлинка о смерти.

3) Тамъ же.

4) Тамъ же.

Или еще: „Та часть соображеній Метерлинка, въ которой онъ признаетъ невозможность безсмертія сознанія нашей личности, не допускаетъ никакихъ возраженій“ ¹⁾. „Совершенно недопустимо мнѣніе Метерлинка, что послѣ смерти наше теперешнее сознаніе можетъ обратиться въ другую сознательную форму“ ²⁾. „Смерть представляется намъ полнымъ уничтоженіемъ“ ³⁾ и т. д. Посмотримъ теперь, сколь прочными и незыблемыми являются основанія для столь опредѣленныхъ и рѣшительныхъ утвержденій профессора Мечникова. Основанія эти можно найти и въ фельетонѣ и въ книгѣ „Сорокъ лѣтъ исканій рациональнаго міровоззрѣнія“. Болѣе яркимъ является изложеніе ихъ въ названной книгѣ.

„Это сознаніе, столь тѣсно связанное съ нашей нервной системой, пишетъ тамъ профессоръ Мечниковъ, не можетъ существовать не только, когда ея болѣе нѣтъ, когда она превращена въ какую-то кашу, но даже когда въ ней нарушено нормальное кровообращеніе... Безъ мозга для насъ наступаетъ именно ничто, которое хотя и превращается въ природѣ въ нѣчто, но въ столь отличное отъ сознанія, какъ нашъ мозгъ, нормально функционирующій, отличается отъ мозга, превращеннаго въ культуру гнилостныхъ бактерій, или въ содержимое кишечнаго канала трупныхъ настькомыхъ“ ⁴⁾.

Здѣсь, какъ мы видимъ, профессоръ Мечниковъ ссылается на зависимость сознанія отъ мозга и нервной системы, и эта-то ссылка служить тѣмъ основаніемъ, на которомъ онъ опирается въ своихъ разсужденіяхъ.

Прежде всего, однако, слѣдуетъ признать, что ссылка на зависимость сознанія отъ мозга, или вообще говоря, духа отъ тѣла является односторонней, когда при этомъ умалчивается, какъ это дѣлается профессоромъ Мечниковымъ, о существованіи обратной зависимости. Вѣдь зависимость тѣла отъ духа есть фактъ, какъ мы полагаемъ, не менѣе важный въ дѣлѣ рѣшенія разсматриваемаго вопроса. Справедливо,

1) Стр. 18 „Сорокъ лѣтъ иск. рац. мір.“

2) Стр. 19 тамъ же.

3) Этюды о природѣ человѣка. Стр. 208.

4) Стр. 18, 19 „Сорокъ лѣтъ иск. рац. мір.“

что нарушение нормальныхъ условій физической жизни мозга, или нервной системы, влечетъ за собой нарушение нормальной дѣятельности нашего эмпирическаго сознанія и даже иногда и видимое прекращеніе его. Но не менѣе справедливо и обратное. Нарушеніе нормальныхъ условій духовной жизни нашего сознанія также влечетъ за собой не только нарушение нормальной дѣятельности нашего мозга, выражающееся между прочимъ въ болѣе или менѣе рѣзкихъ отклоненіяхъ нашихъ дѣйствій отъ нравственныхъ и умственныхъ нормъ, но и иногда даже вызываетъ и окончательное прекращеніе этой дѣятельности, какъ это бываетъ при убійствахъ и самоубійствахъ. И эту зависимость мозга, нервной системы и связанныхъ съ ними человѣческихъ дѣйствій, отъ сознанія и духовной жизни его,—едва ли станетъ отрицать почтенный профессоръ. Онъ, по крайней мѣрѣ, самъ, какъ мы дальше увидимъ, пытается своими писаніями подѣйствовать на сознаніе молодежи въ смыслѣ удержанія ихъ отъ самоубійствъ. Виолнѣ допуская возможность того, что эта попытка была „покушеніемъ съ негодными средствами“, мы тѣмъ не менѣе видимъ съ его стороны вѣру въ возможность не только грубо матеріальнаго воздѣйствія на сознанія другихъ людей. Когда онъ писалъ вышеприведенную фразу о сознаніи и мозгѣ, его мозгъ, конечно, находился въ опредѣленномъ состояніи, но состояніе это было вызвано соответствующими состояніемъ его сознанія, которое въ свою очередь обуславливалось глубочайшими переживаніями его личности, его духа. Онъ старается показать, какъ мы дальше увидимъ, что среди этихъ переживаній главную роль играло стремленіе къ истинѣ и что всѣ чувства и эмоціи, которыя сопровождали это его состояніе сознанія, создавая замысль и цѣль писанія направлялись этимъ стремленіемъ къ истинѣ. Можетъ быть онъ впадаетъ въ этомъ отношеніи въ самообманъ, но во всякомъ случаѣ онъ вѣритъ, или показываетъ видъ, что вѣритъ, въ духовную цѣдность истины, которую онъ утверждаетъ въ своемъ сознаніи, надѣется открыть въ своихъ исканіяхъ и передать сознанію другихъ людей въ своихъ писаніяхъ. Только въ сознаніи и чрезъ него происходитъ утвержденіе истины. Все, утверждаемое какъ истина, требуетъ сознанія и безъ него теряетъ всякій смыслъ.

Кромѣ того, нельзя не признать вышеупомянутую ссылку также условной, ибо она можетъ имѣть смыслъ въ устахъ представителя экспериментальной науки только тогда, когда можетъ подлежать повѣркѣ, т. е. при жизни. Переносить же эту зависимость за предѣлы жизни, какъ это дѣлаетъ профессоръ Мечниковъ, и строить недоступные опытной повѣркѣ умозрительные выводы,—это значитъ уже покидать научную почву и пускаться въ метафизику, да при томъ весьма неудачно.

Изъ того факта, что эмпирическое сознание видимо гибнетъ при нарушении, или окончательномъ разрушеніи, правильной дѣятельности мозга, профессоръ Мечниковъ желаетъ доказать гибель сознанія вообще. Разсужденія его таковы. Такъ какъ эмпирическое сознание при жизни видимо зависитъ отъ мозга (и гибнетъ въ эмпирическихъ условіяхъ бытія при его разрушеніи), то если и можно допустить, что при этомъ отъ сознанія „нѣчто“ остается въ „природѣ“, т. е. въ дѣйствительности и бытіи въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, то это нѣчто будетъ и послѣ смерти опредѣляться внѣшнимъ состояніемъ мозга: „оно столь отлично отъ сознанія, какъ нашъ мозгъ, нормально функционирующій, отличается отъ мозга, превращеннаго въ культуру гнилостныхъ бактерій“. Такимъ образомъ, это внѣшнее состояніе мозга имѣетъ преобладающее и рѣшающее значеніе не только въ эмпирическихъ условіяхъ бытія, но и въ бытіи въ абсолютномъ и самомъ широкомъ смыслѣ слова. Иными словами, внѣшняя эмпирическая форма бытія отождествляется съ бытіемъ въ самомъ широкомъ, въ абсолютномъ смыслѣ слова, и на этомъ строится доказательство. Но вѣдь профессору Мечникову и надо было доказать, что нѣтъ иной формы бытія кромѣ матеріальной и внѣшней и что эмпирическая форма бытія совпадаетъ съ абсолютнымъ бытіемъ и исключаетъ возможность иныхъ формъ. Такимъ образомъ, допускать убѣдительность приводимаго имъ сравненія состояній сознанія съ соответствующими состояніями мозга за предѣлами жизни, это значитъ напередъ допускать подлежащую доказательству невозможность иной формы бытія, кромѣ той грубо материалистической, на которой Мечниковъ желаетъ остановить свое вниманіе. Другими словами, это значитъ допускать *petitio principii*. Посмотримъ однако, нельзя ли найтти

слѣдовъ признанія этой иной формы бытія у самого профессора Мечникова. Правда, что милая его сердцу вѣра въ то, что человѣкъ есть „обезьяній уродъ“, стоитъ, повидимому, въ тѣсной связи съ тѣми переживаніями почтеннаго профессора, которыя заставляютъ его утверждать, что „половое чувство есть источникъ самыхъ высшихъ духовныхъ проявленій“¹⁾. Правда, что такая вѣра влечетъ его роковымъ образомъ въ противоположную отъ этой формы бытія сторону. Все же, однако, нельзя бываетъ и у него не замѣтить иногда нѣкоторыхъ попытокъ сопротивляться этому влеченію. Даже самый способъ выраженія приведеннаго мнѣнія профессора Мечникова о человѣкѣ говоритъ до нѣкоторой степени объ этомъ. „Съ точки зрѣнія чисто естественно-исторической, говоритъ онъ, человѣка можно было бы признать за обезьяньяго урода“²⁾ слѣдовательно, какъ будто сохраняется возможность и иной точки зрѣнія въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о судьбѣ и назначеніи человѣка. Проф. Мечниковъ выражаетъ даже желаніе, по крайней мѣрѣ на словахъ, чтобы его міровоззрѣніе не подавляло многочисленныхъ и столь „дорогихъ для человѣчества стремленій и идеаловъ“.³⁾ Онъ признаетъ истину, на словахъ по крайней мѣрѣ, за первѣйшую духовную цѣнность. Такъ, по поводу изданія своего сборника онъ говоритъ: „оно можетъ быть оправдано лишь подъ условіемъ, чтобы цѣль, къ которой привело исканіе истины, дѣйствительно соответствовала послѣдней“.⁴⁾ Итакъ профессоръ Мечниковъ старается показать, что онъ стремится прежде всего къ истинѣ, что признаетъ ее за первѣйшую духовную цѣнность, онъ говоритъ о дорогихъ для человѣчества стремленіяхъ и идеалахъ. А развѣ все это не указываетъ на то, что онъ не рѣшается окончательно отрицать причастность человѣческаго сознанія иной формѣ бытія? Если же такъ, то почему же онъ не желаетъ обратить вниманіе при рѣшеніи вопроса о смерти на эту причастность сознанія тому міру, гдѣ обитаетъ Истина. Добро и Красота. Надо думать, что съ одной стороны этотъ

1) Этюды о природѣ человѣка, стр. XIV.

2) Сорокъ лѣтъ иск. рац. мір., стр. 226.

3) Тамъ же, стр. 120.

4) Сорокъ лѣтъ иск. рац. мір. Стр. I.

фактъ причастности сознанія иному міру онъ находитъ не заслуживающимъ вниманія въ дѣлѣ рѣшенія вопроса о смерти, а съ другой стороны самое явленіе смерти онъ считаетъ такимъ же простымъ жизненнымъ явленіемъ, какъ и всякое другое, могущее служить экспериментомъ. Первое обстоятельство можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено тѣмъ, что профессоръ Мечниковъ—естествоиспытатель, а не философъ, но что касается второго, то оно можетъ быть объяснено лишь „отвагой“ почтеннаго профессора. да развѣ еще его „мистицизмомъ“ въ отношеніи къ строяемому имъ рѣшенію вопроса. Въ самомъ дѣлѣ, какую по истинѣ удивительную „отвагу“ надо проявить человѣку, который признаетъ годными даже для жизненнаго руководства только „гипотезы, могущія быть провѣренными методами положительной науки“, ¹⁾ чтобы взяться за рѣшеніе вопроса о смерти и смѣло пройти мимо той основної истины, что смерть никогда не можетъ быть предметомъ эксперимента. Въдѣ смерти переживается каждымъ только одинъ разъ и представляетъ собой событіе необычайное, исключительное для жизни, а потому не подходящее ни подъ какіе аналогіи. Съ эмпирической точки зрѣнія, чтобы о ней говорить, надо ее пережить и испытать; кто же ее испытаетъ, тотъ не можетъ уже повѣдать намъ о своихъ переживаніяхъ. Утверждать, какъ это дѣлаетъ проф. Мечниковъ, что за смертью стоитъ чистое „нѣтъ“ для нашего сознанія,—это уже выходитъ изъ предѣловъ науки. Нельзя браться за рѣшеніе подобныхъ вопросовъ съ такимъ настроеніемъ мысли и воли, которое профессоръ Мечниковъ выражаетъ, вмѣняя себѣ это въ заслугу, такими словами: „Не витая въ той области, въ которой чувствуетъ себя привольно Метерлинкъ, не задаваясь вопросомъ о Безконечномъ — непознаваемомъ... а оставаясь на землѣ и удовлетворяясь тѣмъ немногимъ, которое можно познать...“ ²⁾ Напрасна насмѣшка Мечникова надъ Метерлинкомъ. Каждый болѣе или менѣе имѣетъ свою сферу приволья. Въдѣ есть она и у профессора Мечникова. Если для Метерлинка такой сферой, по мнѣнію Мечникова, служить Безконечно-непознаваемое, то для профессора Мечникова

1) Этюды о природѣ человѣка, Стр. VIII.

2) Русское Слово, № 164. Книга Метерлинка о смерти.

этой сферой является кишечникъ и его содержимое, которымъ онъ такъ много отводитъ мѣста въ своихъ „философскихъ“ трудахъ. Нельзя, однако, говоря о смерти не задаваться вопросомъ о Безконечномъ-непознаваемомъ. Въ самомъ дѣлѣ, смерть есть между прочимъ видимое прекращеніе въ здѣшнемъ мірѣ стремленія человѣка къ истинѣ, которую мы неизбѣжно мыслимъ безконечно превышающей все намъ извѣстное. Слѣдовательно, въ вопросѣ о смерти мы по необходимости должны столкнуться съ вопросомъ о Безконечномъ и войти въ его сферу. Да и такъ ли далеко отъ насъ это самое Безконечное? Неужели въра профессора Мечникова въ кишечникъ такъ фанатична, что дѣлаетъ его не только совершенно неспособнымъ обратить вниманіе на свои внутреннія духовныя переживанія, но даже просто поднять какъ-нибудь кверху свою голову и посмотреть на небо. Развѣ не увидитъ онъ даже въ снѣвѣ небесъ слѣдовъ Безконечнаго и развѣ не услышитъ онъ Его голоса въ теченіи времени? И неужели профессоръ Мечниковъ можетъ думать, что всѣ эти переживанія и созерцанія Безконечнаго въ доступной намъ формѣ не имѣютъ никакого значенія при рѣшеніи вопроса о смерти и что къ этому вопросу можно подходить только съ одними мыслями о физиологическихъ процессахъ организма.

Мечниковъ можетъ быть былъ бы правъ, если бы, „удовлетворяясь немногимъ“, и сказалъ бы немного. На самомъ же дѣлѣ, онъ, „удовлетворяясь немногимъ“, рѣшается говорить о слишкомъ многомъ. Его рѣшеніе вопроса о смерти таково, что категорически отрицаетъ безсмертіе души.

2.

Другимъ чрезвычайно интереснымъ выраженіемъ „отваги“ профессора Мечникова является его отношеніе къ взглядамъ другихъ мыслителей, въ особенности со стороны объясненія происхожденія этихъ взглядовъ. „Этотъ писатель интересуется меня, пишетъ Мечниковъ о Метерлиникъ, какъ одно изъ доказательствъ правила, мнѣ бы хотѣлось сказать: закона развитія человѣческой души, по которому юношескій пессимизмъ съ годами переходитъ въ оптимическій взглядъ на жизнь.“¹⁾ Шопенгауеръ и Гете, на которыхъ онъ ссы-

¹⁾ Русское Слово № 164. Книга Метерлиника о смерти.

дается въ подтвержденіе этого своего „закона“, повидимому интересуютъ его тоже не какъ искатели истины, а, главнымъ образомъ, какі тѣши, служащіе доказательствомъ его „раціональнаго открытія“. Въ чемъ же состоитъ этотъ законъ? Я думаю, пишетъ проф. Мечниковъ, что смѣна пессимизма оптимизмомъ сводится къ инстинктивной части человѣческой души. Подъ вліяніемъ стимуловъ, коренящихся, вѣроятно, въ значительной степени въ пѣдръ фізіологическихъ, или фізіологопатологическихъ процессовъ (внутреннія выдѣленія, такъ называемые гормоны, или отравленіе ядами, главнымъ образомъ, кишечными), юнопескій организмъ становится жертвой мрачныхъ предчувствій и мыслей и вырабатываетъ въ себѣ отрицательное міровоззрѣніе. Пессимистическое міровоззрѣніе смѣняется жизнерадостнымъ, по всей вѣроятности, поды вліяніемъ выработки въ организмѣ противоядія противъ ядовъ, вызвавшихъ тяжелыя ощущенія и мрачныя мысли“. 1)

Вотъ то „великое“ открытіе, которое проф. Мечниковъ кладетъ въ основаніе своихъ разсужденій о міровоззрѣніи другихъ людей вообще и Метерлинка въ частности. Этотъ законъ представляется ему столь несомнѣннымъ, что даже вызываетъ съ его стороны попытку къ его утилизированію. Проф. Мечниковъ пытается опираясь на него дать утѣшеніе для пессимистически настроенныхъ молодыхъ людей и тѣмъ предотвратить возможные самоубійства.

„Какъ хорошо было бы, говорить онъ, если бы и теперь, познавъ, что такіе умы, какъ Гете, Шопенгауеръ, Метерлинокъ побороли свой пессимизмъ, молодые люди, воображающіе, что существованіе не имѣетъ цѣли, запаслись терпѣніемъ и дождались созрѣванія у нихъ надлежащаго инстинкта бытія, останавливающаго руку, готовую пресѣчь ихъ дни“. 2)

Вѣра проф. Мечникова въ „законъ“ и его отвага столь велики, что онъ излагая свои мысли даже не хочетъ обратить вниманіе на то затрудненіе, которое создается для читателя въ дѣлѣ пониманія его мыслей. Проф. Мечниковъ пишетъ: „такіе умы... побороли“. Кого же слѣдуетъ пони-

1) Русское Слово № 164. Книга Метерлинка о смерти.

2) Тамъ же.

мать подъ словами: „такіе умы“? Гете, Шопенгауера и Метерлинка? Или же противоядія ихъ организмовъ, которые вырабатывались противъ ядовъ ихъ кишечниковъ?

Онъ говоритъ о цѣли жизни, но не разъясняетъ въ своемъ фельетонѣ, что онъ разумѣетъ подъ словами: цѣль жизни. Заинтересовавшійся читатель обращается къ другимъ его произведеніямъ и на стр. 290 книги „Сорокъ лѣтъ иск. рац. міровоззрѣнія“ находитъ слѣдующія слова:

„По нашей гипотезѣ, человѣкъ обладаетъ неопредѣленнымъ предчувствіемъ естественной смерти, къ которой онъ страстно стремится, какъ настоящей жизненной цѣли“.

Такимъ образомъ читатель видитъ, что цѣлью жизни, по воззрѣнію проф. Мечникова, является смерть, хотя и „естественная“, по все таки смерть. Читатель недоумѣваетъ, какъ же, полагая цѣлью жизни смерть, проф. Мечниковъ хочетъ утѣшить пессимистически настроенную молодежь и удерживать ее отъ самоубійства. Какъ это можно предлагать въ качествѣ утѣшенія мятущимся молодымъ людямъ: „предвидѣніе возможности продлить жизнь до того момента, когда въ ней больше не будетъ чувствоваться надобности“. 1) Вѣдь, привлекательность „естественной смерти“, по Мечникову, состоитъ главнымъ образомъ въ отсутствіе при ней страха и въ полной готовности ее встрѣтить вслѣдствіе нежеланія жить. А что если утѣшаемые проф. Мечниковымъ молодые люди скажутъ ему: „Не беспокойтесь г. профессоръ: у насъ этотъ моментъ уже наступилъ! И если до Вашихъ утѣшеній мы „воображали, что существованіе не имѣетъ цѣли“, то послѣ нихъ еще болѣе въ томъ убѣдились. Вѣдь послѣдній этапъ жизни характеризуется Вами, главнымъ образомъ, преодоленіемъ страха смерти и наступленіемъ момента, когда въ жизни не чувствуется надобности. Смерти мы не боимся, а жизнь намъ не нужна. Чего же еще нужно? А если Гете, Шопенгауеръ, Метерлинокъ и превратились изъ пессимистовъ въ оптимистовъ, то это насъ совершенно не касается, тѣмъ болѣе что даваемое Вами объясненіе этому превращенію совершенно обезцѣниваетъ этотъ фактъ“.

Читатель будетъ недоумѣвать, какъ это проф. Мечниковъ съ одной стороны ставитъ молодымъ людямъ въ примѣръ

1) Русское Слово, № 164. Книга Метерлинка о смерти.

„такіе умы“ какъ Гете, Шопенгауеръ, Метерлинкъ, желая, повидимому, вызвать уваженіе къ этимъ „такимъ умамъ“, которые въ своихъ исканіяхъ истины добыли оптимистическія воззрѣнія на жизнь, оставивъ свой прежній пессимизмъ. А съ другой стороны, по поводу этого превращенія пессимизма въ оптимизмъ онъ говоритъ: „И объяснилъ эту перемѣну развитіемъ чувства жизни или жизненнаго инстинкта, который независимо отъ сознанія, завладѣваетъ нашимъ существомъ“¹⁾. Причемъ могутъ оказаться „такіе умы,“ если причина смѣны пессимизма оптимизмомъ лежитъ въ физиологической сторонѣ человѣческаго организма, если все дѣло въ ядахъ и противоядіяхъ, вырабатываемыхъ организмомъ вообще и кишечникомъ въ частности.

Читатель недоумѣваетъ, какъ можетъ вообще существовать такая бы то ни было „цѣль“ жизни, даже если за нее принимается „естественная“ смерть, когда все зависить отъ этихъ ядовъ и противоядій. Зачѣмъ обращаться съ словами „утѣшенія“ къ мятущимся молодымъ людямъ? Зачѣмъ говорить имъ „хорошо бы было“? Почему именно „хорошо“? Какъ онъ связываетъ этотъ принципъ цѣльности съ физиологическимъ процессомъ? Вѣдь по воззрѣніямъ проф. Мечникова его „хорошо бы было“ тоже есть продуктъ того, что его организмъ сталъ „вырабатывать больше противоядій противъ ядовъ.“

Читатель недоумѣваетъ, какъ можетъ писать Мечниковъ. Если онъ пишетъ съ тѣмъ, чтобы убѣдить читающую молодежь въ истинности своихъ мыслей, которая, будучи воспринята ею, какъ истинная, удержатъ ее отъ самоубійствъ, разрушатъ пессимизмъ и внесутъ оптимистическую струю, тогда онъ своимъ дѣломъ противорѣчитъ своему убѣжденію, что причина пессимизма оказывается главнымъ образомъ физиологическимъ состояніемъ. Если же онъ не вѣритъ въ возможность убѣдить молодежь, то его писаніе есть бессмысленное занятіе.

Наконецъ читатель недоумѣваетъ, какъ можно имѣть увѣренность въ томъ, что „естественная смерть“ является вполне достаточнымъ понятіемъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о смерти. Вѣдь вѣра во всецѣло зависящую отъ чело-

¹⁾ Русское Слово, № 164. Книга Метерлинка о смерти.

вѣка возможность продлить жизнь до „естественной смерти“ есть вѣра въ то, что разумъ человѣческій можетъ предусмотрѣть безконечность всевозможныхъ случайностей, возможностей, способныхъ порвать нить человѣческой жизни и вызвать неестественную смерть. Вѣдь для этого надо имѣть соответствующій разумъ, т. е. разумъ безконечный и неограниченный, способный все предусмотрѣть. Предположимъ даже, что вѣроятность гибели отъ неестественной смерти будетъ не велика; но никогда не можетъ она обратиться въ нуль. Всегда останется возможной гибель на „Титаникахъ“ или подъ колесами тѣхъ самыхъ машинъ, которыя изобрѣла человѣческая техника, всегда человѣкъ будетъ умирать отъ случайныхъ причинъ стихійнаго характера и отъ своей органической неспособности предусмотрѣть и предвидѣть всѣ случайности. Если же есть хоть какая-нибудь возможность „неестественной смерти,“ если она неустраима въ принципѣ, то вопросъ о смерти уже по этому одному никоимъ образомъ не можетъ быть разрѣшенъ введеніемъ понятія „неестественной смерти“.

Отмѣчая „отвагу“ разсужденій проф. Мечникова, мы не хотимъ однако этимъ сказать, чтобы въ дѣйствительности имъ не руководила въ этихъ разсужденіяхъ въ то же время жажда утѣшенія. Весьма возможно, что она тоже играла не малую роль въ ослѣпленіи проф. Мечникова по отношенію къ тѣмъ противорѣчіямъ, которыя бросаются въ глаза всякому непредубѣжденному читателю. Конечно, никто не можетъ помѣшать каждому утѣшаться по своему, но нельзя же выступать съ подобными рецептами утѣшенія въ печати, предлагая ихъ, можетъ быть, дѣйствительно скорбящимъ и мятущимся духомъ. Въ дѣйствительности источникомъ утѣшеній у людей, подобныхъ проф. Мечникову, является не истина, о которой они такъ любятъ говорить, а въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, противоядія, вырабатываемая ихъ организмомъ противъ ядовъ ихъ кишечниковъ, да наслажденіе испытываемое ими при творествѣ различныхъ комбинацій мыслей, сопровождаемыхъ эгоистической приверженностью къ этимъ придуманнымъ комбинаціямъ. Поэтому и случается такъ, что какой-нибудь результатъ ихъ мышленія, иной разъ совершенно неутѣшительный по своей абсурдности для другихъ, оказывается въ то же время утѣшитель-

нымъ для нихъ самихъ. Но что же дѣлать тѣмъ, кто можетъ критиковать ихъ разсужденія и видѣть ихъ абсурдность, но кто самъ неспособенъ придумывать комбинаціи мыслей, или кто хотя и способенъ на это, но въ своемъ пессимизмѣ потерялъ интересъ къ этому занятію? Что дѣлать вообще всѣмъ людямъ по истинѣ страждущимъ и мятущимся? Что дѣлать тѣмъ, кто видитъ и чувствуетъ, какъ смерть и зло сокрушаетъ все, безжалостно порываетъ всѣ лучшія стремленія человѣка и видимо торжествуетъ надъ всѣмъ живущимъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова? Гдѣ и въ чемъ имъ искать утѣшенія? Имъ остается внять голосу Того, Кто девятнадцать вѣковъ тому назадъ сказалъ: „Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные и Я успокою Васъ“.

„Я есмь путь, и истина, и жизнь“.

„Я свѣтъ міру, кто послѣдуетъ за Мною, тотъ не будетъ ходить во тьмѣ, но будетъ имѣть свѣтъ жизни“.

„Если не увѣруете, что это Я, то умрете во грѣхахъ вашихъ“.

„Я есмь воскресеніе и жизнь“, вѣрующей въ меня, если и умреть, оживетъ“.

Да, Онъ Господь нашъ Іисусъ Христосъ есть смыслъ всѣхъ нашихъ благородныхъ стремленій. Онъ и только Онъ освобождаетъ насъ отъ гнета смерти. Въ Немъ одномъ только гарантія осмысленности всѣхъ нашихъ стремленій къ Истинѣ, Добру и Красотѣ. Безъ Него мы чувствуемъ неизбежность конца всѣхъ этихъ стремленій и слѣдовательно конечное торжество матеріальнаго, низкаго, злого надъ всѣмъ духовнымъ, высокимъ и добрымъ. Эту смерть, какъ побѣду злого надъ добрымъ, какъ неизбежный конецъ всему въ насъ высокому, всякой жажды безконечнаго мы чувствуемъ повсюду и всякая попытка борьбы съ ней естественными средствами внѣ христіанства и идеи воскресенія есть покушеніе на нее съ негодными средствами. Если все лучшее должно погибнуть, то оно безмысленно. „Истина Христова Воскресенія,—говоритъ Владиміръ Соловьевъ,—есть истина всецѣлая, полная—не только истина вѣры, но также и истина разума. Если бы Христосъ не воскресъ, если бы Каіафа оказался правымъ, а Иродъ и Пилать мудрыми, міръ оказался бы безмыслицей, царствомъ зла, обмана и смерти. Дѣло

шло не о прекращеніи чьей-то жизни, а о томъ, прекратится ли истинная жизнь, жизнь совершеннаго праведника. Если такая жизнь не могла одолѣть врага, то какая же оставалась надежда въ будущемъ? Если бы Христосъ не воскресъ, то кто же могъ бы воскреснуть? Христосъ Воскресъ!"¹⁾

И опытъ постоянно подтверждаетъ осуществленіе даннаго человечеству Христова обѣщанія. Кто пробовалъ внимать Его голосу и слѣдовать за Нимъ, тотъ получалъ обѣщанное Нимъ и испытывалъ въ дѣйствительности переживанія, не только дававшія ему самому высшую радость, но и дѣлавшіе его носителемъ особаго свѣта для другихъ людей, во исполненіе Его Словъ „Вы есте свѣтъ міру“.

Н. М. Соловьевъ.

IV.

Жюль Таннери. — Курсъ теоретической и практической ариметики. Пер. съ послѣдн. французск. изд. А. А. Котляревскаго, подъ редакц. Д. Л. Волковского. Москва, 1913 г. XX+672 стр. Ц. 2 р. 60 к.

Имя скончавшагося въ 1910 г. Жюля Таннери приобрѣло себѣ репутацію столь установившуюся, что едва ли есть надобность напоминать о заслугахъ этого вдумчиваго ученаго и педагога по призванію. Среди многочисленныхъ его трудовъ, появленіе каждаго изъ которыхъ было нѣкоторымъ событіемъ, особеннымъ вниманіемъ пользуется „Введеніе въ теорію функций дѣйствительнаго переменнаго“, вышедшее сперва въ 1880-мъ году, тѣтъ черезъ 20 ставшее библиографическою рѣдкостью и тогда вновь повторенное, уже въ расширенномъ видѣ (книга эта имѣется и въ русскомъ переводѣ). Кому быль случай ознакомиться съ этимъ „Введеніемъ“, а равно и съ другими трудами Ж. Таннери,—тотъ навѣрное обращалъ вниманіе на сочетаніе въ нихъ строгости доказательствъ и точности опредѣленій съ рѣдкою прозрачностью изложенія. Жюль Таннери, какъ и старшій братъ его Поль, авторъ извѣстныхъ изслѣдованій о древне-греческой математикѣ и древне-греческомъ естествознаніи, былъ не только

¹⁾ Вл. Соловьевъ. Собраніе сочиненій. Т. VIII, стр. 197.